P 7/563

2020127496

7
В 563

О ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШЕМЪ

ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ III.

(Воспоминанія проф. живописи А. П. Боголюбова).

Я уже старикъ, жизнь моя, какъ дѣятеля и человѣка, приходитъ къ концу, а потому живешь болѣе воспоминаніями о быломъ, сильнѣе чувствуешь потерю тѣхъ людей, которыхъ любилъ сердечно. съ полнымъ душевнымъ чувствомъ уваженія къ ихъ уму и прошлой полезной дѣятельности.

Принято у насъ на Руси говорить про людей, которымъ улыбнулось счастье, что такой человѣкъ «родился въ сорочкѣ». Поговорку эту я постоянно примѣнялъ къ себѣ въ теченіе моей долголѣтней жизни, нисколько не воображая, имѣю ли я право, по моимъ заслугамъ, какъ художника и человѣка, считать себя достойнымъ того

положенія, которое я занималъ, какъ въ области искусствъ, такъ и въ обществѣ. Конечно, безъ труда и таланта, а также безъ придатковъ умственныхъ, я былъ бы не замѣченъ никѣмъ; но при этой природной помощи, все-таки сознаю, что мною руководили Божій Промыселъ и счастіе.

Такимъ счастьемъ моей жизни были и тѣ незабвенныя минуты и часы, въ которые благосклонная судьба ставила меня въ близкія, непосредственныя сношенія съ нашимъ безвременно почившимъ Монархомъ. Эти сношенія зародились и держались на почвѣ искусства. Я и хочу здѣсь передать дорогія для меня воспоминанія о Покойномъ, коснуться Его свѣтлой личности, именно въ Его горячей и просвѣщенной любви ко всему изящному и въ постоянномъ вниманіи къ искусству во всѣхъ его видахъ. Я имѣлъ счастіе впервые представиться покойному Государю, когда онъ не былъ еще Наслѣдникомъ, когда былъ еще живъ Его Августѣйшій Братъ Великій Князь Николай Александровичъ.

Я только-что окончилъ свое художественное, пансіонерское, 7 ми лѣтнее образованіе за границей и вернулся въ Россію, гдѣ академія художествъ признала меня профессоромъ, а Императоръ Александръ II

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1953 г.
3						11	166 / 1271	6

627/16—250 тыс.

лично удостоилъ благодарности и Высочайшей награды за мои труды по написанію боевыхъ морскихъ картинъ крымской войны, заказанныхъ мнѣ Его Августѣйшимъ покойнымъ Родителемъ. Въ то же время Государь приказалъ мнѣ разработывать въ картинахъ нашу славную боевую морскую исторію, начиная съ Петра Великаго. Вотъ почему, живя долго внѣ отечества, я прежде всего хотѣлъ ознакомиться съ Россіей, неторопливо плавая по Волгѣ и Каспійскому морю и посѣщая тѣ мѣста, гдѣ прославлялъ себя геній Великаго Царя. Какъ разъ въ это время покойный Великій Князь, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ предпринималъ долгую поѣздку по Россіи. Попечитель Его Высочества, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ, пригласилъ меня въ этотъ вояжъ вмѣстѣ съ профессорами: К. П. Побѣдоносцевымъ и И. К. Бабстомъ. Когда же я явился въ Зимній Дворецъ, для представленія Великому Князю Цесаревичу, то одновременно я былъ впервые представленъ и Его Высочеству Великому Князю Александру Александровичу. Грустно завершилась моя первая служба покойному Великому Князю. Онъ угасъ, полный жизни, красоты и ума, уступая Свое мѣсто любимому Своему Брату,

Великому Князю Александру Александровичу.

Когда Его Высочество отправился въ непродолжительный вояжъ по Россіи, то его попечитель, графъ Перовскій, пригласилъ въ свиту Великаго Князя тѣхъ же лицъ, которыя служили Его покойному Августѣйшему Брату, что и сдѣлало меня болѣе извѣстнымъ Наслѣднику Цесаревичу. Здѣсь впервые пришлось мнѣ говорить съ Великимъ Княземъ объ искусствѣ и древностяхъ. Но кратковременное наше путешествіе не дало возможности положительно судить о наклонностяхъ будущаго нашего Императора къ изящному. Вернувшись въ Петербургъ, я изрѣдка имѣлъ счастіе видѣть Великаго Князя, но со дня вступленія Его въ супружество съ Датскою Принцессою Дагмарою, которой я имѣлъ счастіе быть представленнымъ, съ Его соизволенія, г. Оомомъ, будущимъ секретаремъ Государыни Цесаревны, мои отношенія къ Августѣйшей Четѣ сдѣлались для меня крайне благопріятны, такъ какъ Ея Высочество Цесаревна пожелала, чтобы я руководилъ Ея занятіями по части искусства.

Съ первыхъ дней моихъ обязанностей при Ея Высочествѣ, я могъ заключить, что вижу предъ собою Особу, развитую по части искусства, любящую старину во

всѣхъ ея видахъ. Способъ или пріемы Великой Княгини въ работѣ были всегда робки, при большой тщательности, что, конечно, зависѣло отъ характера и первоначальнаго обученія, которымъ руководила Ея Августѣйшая Родительница, Королева Датская, серьёзностью работъ которой я любовался, будучи въ Даніи.

Великій Князь Цесаревичъ часто заходилъ въ рабочую нашу комнату Аничковскаго Дворца, постепенно наполнявшуюся всякими картинами, иногда невысокаго качества, подносимыми Великому Князю. Наслѣдникъ Цесаревичъ не обращалъ тогда на нихъ строгаго вниманія, но вглядывался и слѣдилъ за успѣхами Ея Высочества. Работы Цесаревны были весьма разнообразны: одинъ разъ Она рисовала сепіей, въ другой разъ акварелью, а также писала и масляными красками. Достойны удивленія двѣ капитальныя копіи Ея Высочества съ Мейсонье, изъ собранія графа Кушелева въ музеѣ академіи художествъ. Надъ первою Цесаревна провела съ удивительнымъ терпѣніемъ годъ и два мѣсяца, а надъ второю—семь мѣсяцевъ. Обѣ эти картины украшали кабинетъ Великаго Князя; причемъ я долженъ сказать, что надо быть очень тонкимъ знатокомъ, чтобы, бросивъ на нихъ взглядъ, не

признать за оригиналы,—такъ онѣ близки, по краскамъ и по тонкости исполненія, къ настоящему Мейсонье. Вскорѣ альбомъ Ея Высочества сталъ наполняться всевозможными рисунками и чертежами. Бесѣдуя съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ о Его первоначальномъ обученіи искусству, я узналъ, что учитель рисованія Его Высочества, академикъ Тихобразовъ, не старался нисколько развить въ Немъ любовь къ искусству, такъ какъ былъ преимущественно занятный человѣкъ, интересно разсказывавшій о своемъ пребываніи въ Римѣ и о лихой пансіонерской жизни.

Покойная Императрица Марія Александровна была просвѣщенною любительницею искусства и древности, а потому юные Великіе Князья незамѣтно получали первыя знанія подъ Ея руководствомъ, и эти знанія вполнѣ счастливо проявились какъ въ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, такъ и въ Августѣйшемъ Президентѣ академіи художествъ, Великомъ Князѣ Владимірѣ Александровичѣ, а также и въ остальныхъ Ея Августѣйшихъ Дѣтяхъ. Но любовь къ искусству въ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ и полное развитіе вкуса ко всему изящному я все-таки всецѣло отношу къ благодатному вліянію Государыни Цесаревны и Августѣйшей Семьи

Ея, въ которой Великій Князь впервые позналъ наглядно, что́ такое старина и искусство вообще, проведя первое время Своего супружества въ Копенгагенѣ. Здѣсь Ихъ Высочества постоянно посѣщали замѣчательныя дворцовыя и музейныя коллекціи всѣхъ родовъ искусства, а также фабрики, столь знаменитыя до сихъ поръ своимъ производствомъ фаянса, фарфора и стекла, вслѣдствіе чего Великій Князь сталъ пріобрѣтать прежде всего старинное серебро, а потомъ мебель, стекло и всякія рѣдкости, увеличивая свою коллекцію всякій разъ, когда пріѣзжалъ въ Данію. Отъ рѣдкостей Великій Князь незамѣтно перешелъ къ картинамъ, сперва датскихъ художниковъ, а потомъ пристрастился къ новому искусству и въ короткое время сдѣлался своеобразнымъ, но мѣткимъ цѣнителемъ картинъ и всего художественнаго. О древнихъ художникахъ или старой школѣ Его Высочество всегда благодушно говорилъ: «Я долженъ ее любить, ибо всѣ признаютъ старыхъ мастеровъ великими, но собственнаго влеченія не имѣю»,—что́ не мѣшало Ему, впослѣдствіи, пріобрѣтать работы извѣстныхъ Бларамберга, Ватто и другихъ.

Вскорѣ въ Аничковскомъ Дворцѣ была отдѣлана роскошная библіотека и двѣ залы

для музея, первоначальнымъ фондомъ для котораго послужила небольшая коллекція рѣдкостей всякаго рода, пріобрѣтенныхъ Его Высочествомъ отъ извѣстнаго писателя и знатока ихъ Д. В. Григоровича, имѣвшаго счастіе читать лекціи по изящнымъ искусствамъ съ профессоромъ Горностаевымъ Государынѣ Цесаревнѣ, причемъ иногда присутствовалъ и Великій Князь. Музей, видимо, интересовалъ Великаго Князя, а потому онъ постепенно пополнялся какъ картинами, такъ и рѣдкостями. Первыми его пріобрѣтеніями были работы профессора Гуна и Харламова. Ея Высочество, съ своей стороны, тоже постоянно способствовала развитію благородной любви къ изящному въ Своемъ Августѣйшемъ Супругѣ, такъ какъ въ день Тезоименитства Великаго Князя Она постоянно приказывала мнѣ за нѣсколько дней принести Ей разные художественные предметы, тщательно ихъ осматривала и пріобрѣтала, чтобы подарить дорогому Новорожденному или Имениннику.

Царскосельскій Дворецъ, гдѣ проживали Ихъ Высочества, тоже вдругъ измѣнилъ свой видъ. Старинныя картины временъ Императора Николая Павловича были лично пересмотрѣны Его Высочествомъ, сдвинуты, раздвинуты и перемѣшаны съ

вновь пріобрѣтенною московскою коллекціею коммерціи совѣтника Кокорева, состоявшею преимущественно изъ работъ Брюлова, Басина, Бруни, Боровиковскаго, барона Клодта, Сверчкова, а также моихъ картинъ и этюдовъ и прочихъ русскихъ художниковъ 30-хъ годовъ. Но Собственныя комнаты покойнаго Императора Николая Павловича остались въ прежнемъ видѣ безъ всякихъ измѣненій, и когда разъ я позволилъ себѣ сказать, что отчего бы не взять въ свою Аничковскую коллекцію небольшую работу баталиста Горація Вернета, то Наслѣдникъ Цесаревичъ мнѣ отвѣтилъ: «Это не Моя собственность, а дворцовая, составляющая преданіе; постараемся пріобрѣсти что-нибудь при случаѣ».

Изъ Собственныхъ работъ Его Высочества я видѣлъ неоконченный римскій видъ, кажется, Тиволи. Но разъ какъ-то, ѣдучи отъ Костромы къ Нижнему-Новгороду, Цесаревичъ взялъ мой альбомъ и начертилъ въ немъ весьма твердо и точно профиль ботика «Увалень», составляющую теперь драгоцѣнную собственность основаннаго мною, въ гор. Саратовѣ, Радищевскаго музея, гдѣ рядомъ помѣщены два рисунка, дарованные мнѣ Государынею Цесаревною. Въ часы досуга, при перемѣщеніи картинъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ

Дворцѣ, Великій Князь иногда Собственноручно покрывалъ ихъ лакомъ и рѣшалъ—такіе-то отдать реставратору Сидорову перетянуть или дублировать.

Унаслѣдовавъ отъ Своего Августѣйшаго Брата Николая Александровича небольшое собраніе картинъ, а также монхъ этюдовъ, писанныхъ для покойнаго Цесаревича, а также б льшой законченный альбомъ видовъ Волги, Дона и Крыма,—Его Высочество приказалъ ихъ размѣстить въ залѣ, предшествующей Его кабинету, а впослѣдствіи, когда я имѣлъ счастіе Ему сопутствовать въ Его вояжахъ, въ Данію и по Россіи, то все, что было Ему представлено, поступало въ тотъ же залъ, который Онъ неоднократно называлъ «Боголюбовскимъ».

Въ гостиной и пріемной комнатахъ появились картины датскихъ художниковъ, преимущественно морскія, Мельбіо, Серенсенъ и другихъ, такъ что съ этихъ поръ позволяю себѣ серьезно заявить о любви Цесаревича къ морской живописи, а также о Его знаніи оснастки кораблей, красивыхъ линій и о полномъ пониманіи судовой конструкціи.

Аничковскій Дворецъ, до Бракосочетанія Его Высочества, былъ отдѣланъ безъ участія Великаго Князя, а потому не могъ

удовлетворять Его развившемуся художественному вкусу, почему постепенно подвергался улучшеніямъ. Какъ я сказалъ выше, первыми передѣланы были библіотека и музейная комната; потомъ парадная лѣстница одѣлась мраморомъ; на стѣнахъ появились декоративныя картины кисти Робера; были заказаны роскошные синопскіе ковры; появилась вездѣ стильная мебель, и, наконецъ, былъ написанъ плафонъ извѣстнымъ профессоромъ Гуномъ, изображающій исчезающую ночь съ появленіемъ Авроры. Работами по Дворцу руководилъ въ это время талантливый придворный архитекторъ, профессоръ Монигетти. Онъ же устроилъ во Дворцѣ разборный изящный театръ въ большой пріемной залѣ. Декораціи писались художникомъ Бочаровымъ, а стѣны покрылись дорогими гобеленами, которые нарочно были пріобрѣтены у г. Скарятина, такъ что стѣны прежняго стиля empire стали не узнаваемы.

Домовая церковь Дворца была отдѣлана тѣмъ же Монигетти, въ стилѣ базилики, а иконостасъ былъ заказанъ лично Цесаревичемъ, въ бытность Его Высочества въ Москвѣ, профессору Сорокину, въ старо-московскомъ образномъ стилѣ, вмѣстѣ съ изящною церковною утварью. Позднѣе, талантливымъ

профессоромъ Месмахеромъ, были сдѣланы еще капитальныя перестройки какъ въ верхнемъ этажѣ Дворца, такъ и на дворѣ, гдѣ расширено парадное крыльцо, давшее возможность въ бель-этажѣ увеличить помѣщеніе большой залы прилегающимъ къ нему зимнимъ садомъ.

Малая столовая зала тоже перемѣнила свой видъ: одну стѣну его заняло взящное пано, пріобрѣтенное въ Даніи съ парижскою мебелью. Сервизная комната Дворца обогатилась пріобрѣтеніемъ цѣннаго серебра Louis XV vieux Paris. Когда были построены служебныя зданія, выходящія тыломъ въ дворцовый садъ, ихъ безобразныя, голыя стѣны сильно претили художественному вкусу Наслѣдника, и потому Онъ приказалъ тому же декоратору Бочарову расписать ихъ правильными линіями, гармонирующими съ дворцовымъ фасадомъ. Впослѣдствіи Дворецъ освѣтился электричествомъ, для производства котораго устроенъ капитальный павильонъ,—послѣднее слово науки, а надъ домовою церковью заблисталъ золотой русскій куполъ.

Цесаревичъ вообще очень любилъ Аничковскій Дворецъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ дорогъ для Его Высочества по воспоминаніямъ объ Августѣйшемъ покойномъ Братѣ, для Котораго Дворецъ отдѣлывался. По-

стояннымъ напоминаніемъ о Почившемъ служили особенно двѣ гостиныхъ залы, съ садовой стороны, обитыхъ одинаковою желтою шелковою матеріею, которая была заказана когда-то самимъ покойнымъ Цесаревичемъ, въ Москвѣ, у Сапожникова.

Его Высочество, какъ Онъ самъ говорилъ, «уважалъ преданіе», и потому Александрійскій петергофскій коттеджъ, построенный Императоромъ Николаемъ I, остался до-нынѣ безъ всякихъ наружныхъ и внутреннихъ перемѣнъ, не исключая одежды прислуги, серебра, настольнаго хрустала и посуды. Только одна крошечная пріемная комната украсилась старымъ англійскимъ фаянсомъ, который Цесаревичъ взялъ изъ дубликатовъ Петергофскаго Англійскаго Дворца, и, развѣ двѣ, три небольшія картины украсили его стѣны, да полы покрылись богатыми ташкентскими коврами. Временно фасадъ Дворца былъ, однажды, закрытъ постройкою огромнаго театра изъ корабельныхъ парусовъ и флаговъ, въ которомъ давался спектакль изъ живыхъ картинъ, послѣ чего театръ моментально преобразился въ блестящую танцовальную залу, гдѣ былъ данъ балъ въ честь пріѣзда Августѣйшихъ Родителей Цесаревны, Короля и Королевы Даніи.

Устройствомъ этого празднества и по-

стройкой, по личнымъ указаніямъ Его Высочества, завѣдывали я и адъютантъ Великаго Князя капитанъ Козловъ. Чрезъ два дня все пришло опять въ стройный обычный порядокъ. Тутъ же иногда, въ амбразурахъ коттеджа и въ саду, устраивались живыя картины, въ которыхъ принимали личное участіе Ихъ Высочества, въ постановкѣ группъ и декорацій.

Такъ мирно, мудро и прогрессивно въ художественномъ отношеніи протекала жизнь Наслѣдника Цесаревича и Государыни Цесаревны, любезность и милостивое вниманіе Которыхъ ко мнѣ было, вдругъ, прервано тяжкою болѣзнью, постигшею меня. Вотъ какъ это было. По обыкновенію, я явился въ Аничковскій Дворецъ въ 11 часовъ утра и пристально слѣдилъ за работой Великой Княгини, какъ вдругъ глаза мои помрачились, все пошло кругомъ и я сдѣлался блѣденъ. Ея Высочество сейчасъ же позвонила, приказавъ подать холодной воды и полотенце. Я положилъ себѣ его на голову, думая, что это дурнота случайная. Вскорѣ вошелъ Великій Князь и далъ мнѣ совѣтъ скорѣе отправиться къ доктору Гиршу, не дожидаясь завтрака. Шатаясь, я добрался до квартиры Густава Ивановича, который, осмотрѣвъ меня, отвезъ домой, и тутъ же

я призналъ въ себѣ нервный мозговой ударъ съ разрывомъ и изліяніемъ. Четыре съ половиною мѣсяца я былъ между жизнью и смертью; каждый день ко мнѣ являлся ѣздовой, чтобы узнать о моемъ здоровьѣ. Наконецъ, въ апрѣлѣ я могъ съ трудомъ выходить, а потому, поспѣшивъ откланяться моимъ благодѣтелямъ, я съ грустью покинулъ родину и поѣхалъ въ Римъ. Такъ закончилась, къ великому моему сожалѣнію, моя профессорская обязанность при Государынѣ Цесаревнѣ. Здѣсь я не могу умолчать, хотя это и не входитъ вовсе въ область моихъ художественныхъ замѣтокъ, объ одномъ эпизодѣ за этотъ періодъ моихъ сношеній съ Ихъ Высочествами,—эпизодѣ, въ которомъ проявилась всегда присущая Имъ высокосердечная доброта. Однажды пришелъ я къ Государынѣ Цесаревнѣ подъ вліяніемъ грустнаго событія, которое не могъ переломить въ себѣ, что скоро было замѣчено Ея Высочествомъ. «Вы сегодня не Алексѣй Петровичъ, котораго я всегда привыкла видѣть»,—сказала мнѣ съ участіемъ Великая Княгиня.— «Извините меня, Ваше Высочество, я, точно, разстроенъ печальнымъ событіемъ, случившимся сегодня въ академическомъ подвалѣ подо мною съ однимъ изъ бѣдняковъ, служителемъ. Сестра его жены, вдова,

живущая поденною работою и имѣющая двухъ малолѣтнихъ дѣтей, внезапно умерла, оставивъ своихъ сиротъ человѣку, обремененному своей семьей и не имѣющему никакихъ средствъ къ ихъ содержанію. Конечно, я пришелъ на помощь, чтобы предать покойницу землѣ, но теперь надо озаботиться о бѣдныхъ дѣтяхъ. Есть у меня душевный русскій человѣкъ и благотворительный купецъ В. Ѳ. Громовъ, постараюсь призвать его къ этому христіанскому дѣлу».

Выслушавъ меня внимательно, Ея Высочество не промолвила ни слова и продолжала работать. Такое затишье со стороны Великой Княгини я счелъ неблагопріятнымъ и сталъ себя упрекать мысленно, что сдѣлалъ une bouiette и поступилъ безтактно. Но вотъ шумно и радостно вошелъ въ мастерскую Наслѣдникъ Цесаревичъ. Не давъ Его Высочеству сказать ничего, кромѣ обычныхъ привѣтствій, Государыня Цесаревна обратилась къ Августѣйшему Супругу со слѣдующими словами: «Нашъ Алексѣй Петровичъ сегодня очень грустенъ; надо его порадовать, а потому дай слово, что Ты исполнишь со Мною совмѣстно доброе дѣло».—«Да въ чемъ тутъ суть?»—спросилъ Великій Князь. «Это узнаешь сейчасъ, только скажи Свое—«да».

—«Съ удовольствіемъ, но что это за таинственность»? — «Теперь передайте Вашъ разсказъ мужу»,—сказала, улыбаясь Цесаревна. Я повторилъ снова мою подвальную исторію. Цесаревичъ, видимо, ею интересовался, и когда я кончилъ, то Великая Княгиня сказала: «Ну теперь ступайте къ Ѳедору Адольфовичу Ому (секретарь Ея Высочества) и скажите, что Я беру младшую дѣвочку».—«А отъ Меня скажите Василію Васильевичу Зиновьеву (гофмаршалу), что Я беру старшую». И всѣ весело пошли къ завтраку.

Пишу эти подробности, чтобы показать, какъ душевно и сердечно было высокое вниманіе Ихъ Высочествъ ко мнѣ, и что оно не ограничивалось только добрымъ словомъ, но и дѣломъ. Каково же было мое удивленіе и радость, когда просиживая тихо и скорбно на Via de Babuino въ Римѣ, я вдругъ былъ удивленъ вошедшимъ ко мнѣ господиномъ отъ имени Его Величества Короля Датскаго, по желанію Цесаревича и Цесаревны, пришедшимъ освѣдомиться о моемъ здоровьи. Растерявшись, въ нервномъ состояніи, я заплакалъ отъ радости. Внимательный адъютантъ Короля притомъ передалъ мнѣ полное сочувствіе Его Величества, которому я не замедлилъ впослѣдствіи предста-

виться и встрѣтилъ то же милостивое вниманіе, какимъ я пользовался, проживая при Датскомъ Дворѣ въ свитѣ Ихъ Высочествъ.

Когда я оставлялъ моихъ благодѣтелей, Наслѣдникъ Цесаревичъ сказалъ: «Пишите Мнѣ, что встрѣтите интереснаго по художеству, да и пріобрѣтайте, что найдете достойнымъ». Съ этихъ поръ начи ается моя новая художественная обязанность. Будучи не въ состояніи, по разстроенному здоровью, сейчасъ же исполнить дорогое приказаніе Его Высочества, я только черезъ годъ написалъ первое мое письмо Великому Князю о томъ, что высылаю Ему небольшую картину французскаго художника Жерома—«Наполеонъ I въ Египтѣ передъ пирамидами». По полученіи картины, Его Высочество удостоилъ меня первымъ Своимъ письмомъ, содержаніе котораго было чисто художественное. Дѣло было въ маѣ; открылся парижскій салонъ въ Palais de l'industrie; я не замедлилъ выслать каталоги съ указаніемъ на лучшія картины. Съ тѣхъ поръ я получилъ письменное приказаніе постоянно высылать каталоги всѣхъ капитальныхъ выставокъ. Кромѣ выставокъ, я писалъ Его Высочеству, что желаю познакомить его съ здѣшними публичными продажами въ Hôtel Drouot, черезъ каталоги, прекрасно иллюстриро-

ванные съ текстомъ серьезнаго свойства, на что получилъ отвѣтъ: «Каталоги весьма интересны: смотрю ихъ съ удовольствіемъ, а потому не оставляйте ихъ безъ вниманія». Въ это время издавались г. Лемерсье луврскія рѣдкости, весьма художественно; я выслалъ пробный листъ и получилъ приказаніе отъ Его Высочества продолжать. То же было и съ дорогимъ изданіемъ венеціанскаго храма св. Марка, длившимся 6 лѣтъ, гдѣ образцы древневизантійскаго искусства весьма интересовали Его Высочество. Въ концѣ изданія было сказано, что хотя оно закончено, но будутъ дополненія. Въ письмѣ Своемъ ко мнѣ Великій Князь говорилъ: «Прошу слѣдить и выслать окончаніе увража, когда оно появится въ свѣтъ». Когда вышли прекрасные рисунки съ работъ Ватто (выходили они серіями, въ черномъ видѣ, съ текстомъ), то ими Наслѣдникъ Цесаревичъ тоже весьма заинтересовался.

Я не говорю здѣсь о всѣхъ моихъ высылкахъ, объ иллюстрированныхъ каталогахъ военнаго содержанія, о картинахъ и рисункахъ художника Деневилля и Детайля; упомяну только о цѣнныхъ офортахъ и гравюрахъ съ Мейсонье, Мункачи и другихъ художниковъ, которые мнѣ было приказано постоянно доставлять, по ихъ появленіи въ свѣтъ.

*

Въ двукратную свою бытность въ Парижѣ, я имѣлъ счастіе постоянно сопутствовать Великой Княгинѣ и Государю Цесаревичу во всѣхъ поѣздкахъ по городу, гдѣ мало-мальски дѣло касалось искусства. Въ это время, въ Парижѣ, насъ, русскихъ художниковъ, было довольно много. Паденіе Плевны сплотило насъ всѣхъ. Мы сдѣлали лотерею; собрали 5.000 франковъ и послали въ общество Краснаго Креста, за что получили Высочайшую благодарность. Ободренные этимъ, мы рѣшили учредить общество взаимной помощи, безплатно помѣщавшееся въ собственномъ домѣ Горація Осиповича Гинсбурга, состоявшаго въ числѣ учредителей и много способствовавшаго матеріально и нравственно нашему упроченію. Во главѣ правленія стали: какъ президентъ, посолъ князь Орловъ и, какъ предсѣдатель комитета, нашъ генеральный консулъ Кумани (посолъ въ Персіи). Казначеемъ поставленъ былъ баронъ Г. О. Гинсбургъ, а секретаремъ И. С. Тургеневъ. При такихъ представителяхъ, въ этомъ помѣщеніи мы наскоро собрали выставку и пригласили посѣтить ее Его Высочество Наслѣдника Цесаревича, который только-что прибылъ въ Парижъ. Достопамятный день посѣщенія Наслѣдника Цесаревича, принявшаго на Себя, дорогое для насъ, званіе

Почетнаго Покровителя, мы, художники, никогда не забудемъ. Все, что было свободнаго (не проданнаго) и замѣчательнаго, Великій Князь пріобрѣлъ для Себя. Затѣмъ Его Высочество осмотрѣлъ наши мастерскія, куда я имѣлъ счастіе Ему сопутствовать, причемъ И. Е. Рѣпину была заказана, по выбору художника, картина изъ былины: «Садко, богатый гость». У художника Полѣнова Великій Князь купилъ жанръ изъ вѣка Генриха II; К. А. Савицкому заказалъ картину «Туристы въ Бурбулѣ»; А. К. Беггрову—изображенія Императорскихъ яхтъ; у художника П. Д. Дмитріева пріобрѣлъ «Крещенское водосвятіе». Великій Князь посѣтилъ также мастерскія Ю. Я. Лемана, Харламова, Васнецова, Боголюбова и проч., пріобрѣлъ работы акварелиста Лавеццари, а художнику Шиндлеру заказалъ перспективы музея Клюни. Посѣщая мастерскую М. М. Антокольскаго, Его Высочество пріобрѣлъ бронзовыя статуи—«Христа» и «Петра Великаго»; послѣдняя украшаетъ нынѣ петергофскій садъ у Монплезира. Впослѣдствіи, этотъ же художникъ исполнилъ для Его Высочества заказы изъ мрамора: «Лѣтописецъ Несторъ» и «Ермакъ». «Умирающій Сократъ» былъ тоже пріобрѣтенъ Имъ позднѣе, какъ и «Ярославъ Мудрый», поднесенный въ даръ художни-

комъ. Всѣ эти статуи украшаютъ Императорскій Эрмитажъ.

Въ оба свои посѣщенія гор. Парижа, Наслѣдникъ Цесаревичъ также познакомился и съ французскими художниками. Будучи ученикомъ знаменитаго Изаббе, которому въ эту пору было 80 лѣтъ, я просилъ Его Высочество сдѣлать честь посѣтить маститаго художника и тѣмъ его осчастливить. Надо было видѣть непритворную радость почтеннаго человѣка, когда вошелъ къ нему Великій Князь. «Отецъ мой, — сказалъ Изаббе, — имѣлъ счастіе писать портреты Императоровъ Александра I и Николая I; онъ обожалъ Россію, и я счастливъ видѣть Внука Ихъ, который меня осчастливилъ. Я счастливъ также, что Васъ сопровождаетъ мой ученикъ, который Вамъ напомнилъ о своемъ учителѣ».— «Я знаю васъ давно, г. Изаббе, знаю, по работамъ, и вашего отца, миніатюры котораго всегда предо Мною въ петергофской Моей дачѣ—Александріи, а въ Петербургѣ Мой кабинетъ украшаютъ двѣ вашихъ марины; Я любуюсь ими постоянно».

Кромѣ Изаббе, Его Высочество посѣтилъ мастерскія скульптора Поля Дюбуа, Бонна, Ж. Поля, Лорьиса, Бугеро, Жерома, Детайля и Деневилля. Вмѣстѣ съ Государыней Цесаревной, Онъ посѣтилъ Лелуара и

знаменитаго Мейсонье. Кто зналъ этого геніальнаго художника, тотъ зналъ и его гордость и напыщенность; но при пріемѣ Ихъ Высочествъ, любезность Мейсонье была изумительна. Бесѣдуя съ Великимъ Княземъ о формахъ первой имперіи, великій мастеръ вынулъ изъ портфеля рисунокъ извѣстнаго художника Жерико, гдѣ съ глубокимъ знаніемъ былъ исполненъ костюмъ и бѣлый конь «Бьюти» Императора Александра I, онъ сказалъ: «Съ этого матеріала я написалъ картину изъ жизни Императора въ Елисейскомъ Дворцѣ съ окружавшею Его свитою». Добросовѣстность изысканій при созданіи картинъ поразила Ихъ Высочествъ, когда мастеръ показалъ Имъ свои работы мускулатуры лошадей, вылѣпленныхъ изъ воска и сотни вырѣзокъ конныхъ солдатъ; онъ накладывалъ ихъ одна на другую для полученія правильной постановки лошадиныхъ ногъ, когда приходилось изображать полкъ кавалеристовъ въ развернутой линіи. Пишу эти подробности, чтобы показать исполненное глубокаго уваженія, граничащее съ благоговѣніемъ вниманіе художника къ Августѣйшимъ Посѣтителямъ, такъ какъ простые смертные никогда не видѣли отъ него такихъ откровеній о своемъ трудѣ, да и проводовъ до экипажа, стоявшаго у в ротъ

его отеля. Посѣщая мастерскую баталиста Деневилля, Его Высочество заказалъ ему картину: «Чердакъ осажденнаго дома во французской деревнѣ», которую я постоянно видѣлъ въ Гатчинскомъ Его Величества Дворцѣ. Отъ в ѣхъ вышеупомянутыхъ художниковъ В ликій Князь пріобрѣлъ картины, составляющія Его дворцовую галлерею. Посѣщая со мною почтеннаго пейзажиста Добильи, Великій Кн зь очень восхищался его этюдами. Готовыхъ картинъ не было, а потому Цесаревичъ заказалъ ему пейзажъ при истокахъ рѣки Сены. В ъ то же время была пріобрѣтена картина «Константинополь» извѣстнаго Зіема, у продавца Дюрьне Рюэль и, кромѣ того, «Лошадиная бойня»—Бонвена (Bonvin). Глядя на выборъ этихъ двухъ картинъ, я душевно радовался самобытному вкусу Великаго Князя, такъ какъ «Бойня» можетъ быть оцѣнена только просвѣщеннымъ любителемъ и знатокомъ. При посѣщеніи торговцевъ—Жерома, Пети, Дюранъ-Рюэля, Арнольда, Триппа и Гупиля, были пріобрѣтены картины Геннера, Шаплена и Жерома. Зайдя въ магазинъ извѣстнаго бронзовщика Барбедіена, Его Высочество выбралъ много прекрасныхъ, художественныхъ работъ французскихъ мастеровъ и осмотрѣлъ художественную коллекцію хо-

зяина дома. Музеи Лувръ, Люксембургъ, Клюни, Garde Meuble, Гобеленовая фабрика, Севръ, вновь строившаяся опера— все это было осмотрѣно, а также и академія художествъ, гдѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ любовался знаменитой фреской Поля-Деларош «Hémicicle» и прекрасною коллекціею стараго французскаго готика.

Но самое благодатное вліяніе на Великаго Князя произвело посѣщеніе коллекціи первоклассныхъ древностей нашего соотечественника Базилевскаго. Онъ осматривалъ ее два раза. Все, что лично собиралъ до сихъ поръ Цесаревичъ, было только подготовленіемъ къ великому шагу, которымъ Онъ себя ознаменовалъ, сдѣлавшись Императоромъ, — пріобрѣтенію для Эрмитажа этого, по истинѣ замѣчательнаго, собранія Базилевскаго. Къ нему присоединены были потомъ царскосельскіе дорогіе экземпляры оружія и древностей, и, такимъ образомъ, Россія получила первоклассный музей древностей, могущій смѣло стать наравнѣ съ извѣстными музеями Европы *).

*) Коллекція эта, оцѣненная владѣльцемъ въ 6 милліоновъ франковъ, была провѣрена въ стоимости бывшимъ Государственнымъ Секретаремъ А. А. Половцовымъ, а пріемка и пересылка ея были довѣрены Государемъ мнѣ, причемъ мнѣ удалось пріобрѣсти ее за 5¼ милліоновъ франковъ, уплаченныхъ изъ Собственныхъ суммъ Государя Императора.

Впослѣдствіи, имѣя счастіе бесѣдовать съ Почившимъ Государемъ, я увидѣлъ ясно, какъ Онъ вѣрно понималъ необходимость подобныхъ рѣдкихъ образцовъ для развитія русскаго художественно-промышленнаго дѣла, и какъ постоянною цѣлію Его Величества было: щедро поощряя свободное искусство, по возможности, учреждать въ Россіи художественно-промышленные музеи и ремесленныя школы, равно какъ и вводить обязательное обученіе ремеслу во всѣхъ народныхъ школахъ, чтобы истинные таланты могли проявиться въ нихъ для окончательнаго образованія въ высшей академической школѣ.

Съ давнихъ поръ я сдѣлался собирателемъ рѣдкостей; въ теченіе 25 лѣтъ моей жизни я трижды составилъ коллекціи картинъ, мебели и другой разнородной утвари. Мысль объ учрежденіи музея и школы въ родномъ моемъ городѣ Саратовѣ меня всегда занимала, тѣмъ болѣе, что дѣдъ мой, извѣстный литераторъ Екатерининскаго вѣка, былъ саратовскимъ помѣщикомъ и именитымъ дворяниномъ. Мысль мою, однажды, я рѣшился словесно повергнуть на обсужденіе Его Величества и, получивъ одобреніе, началъ дѣйствовать. Предложеніе мое было принято саратовскою думою, планъ зданія былъ Высочайше утвержденъ,

и чрезъ три года музей былъ открытъ, а я былъ осчастливленъ слѣдующею Высочайшею телеграммою изъ Петербурга:

«Благодарю сердечно за телеграмму и радуюсь освященію Радищевскаго музея, которому отъ души желаю успѣха и процвѣтанія на пользу художества и искусства въ Россіи».

Первоначальная моя коллекція была, конечно, весьма незначительна, но Государь Императоръ оказалъ щедрую помощь новому учрежденію. Онъ далъ мнѣ право выбрать изъ складовъ Эрмитажа дубликаты картинъ древней школы. Императорскіе заводы: фарфоровый, гранильные и стеклянные снабдили меня своими дубликатами всякаго рода и разныхъ эпохъ; Императорскій кабинетъ отпустилъ излишніе мраморы и другіе предметы. Когда же состоялась покупка Голицынской галлереи въ Москвѣ, то Государь снова повелѣлъ передать въ Радищевскій музей все, что оказалось непригоднымъ для Эрмитажа, такъ что я получилъ дорогія картины, прекрасный фаянсъ и фарфоръ русскій и Louis XV со множествомъ мелкихъ бронзъ и японскихъ рѣдкостей. И такъ, благодаря щедрому покровительству Монарха, въ Россіи открылся первый губернскій художественно-промышленный музей. Оставалось учредить

школу, и я снова имѣлъ счастіе пользоваться указаніями Его Величества, чтобы подчинить ее центральной школѣ барона Штиглица и держать, какъ филіальное отдѣленіе, для чего мною были пожертвованы, по моей смерти, 200.000 рублей, которые, по Высочайшему повелѣнію, приняты Государственнымъ банкомъ на вѣчное пользованіе процентами, въ размѣрѣ 8.000 руб. Благодаря рѣшенію предсѣдательницы учрежденій барона Штиглица, Н. М. Половцовой, и предсѣдателя совѣта училища, А. А. Половцова, открытіе Боголюбовской школы обезпечивалось до моей смерти выдачей этой суммы совмѣстно съ гор. Саратовомъ, но, по урегулированіи всего, оставалось, чтобы гор. Саратовъ обязался вѣчно прибавлять къ ней 900 руб. Сумму эту я хотѣлъ тоже обезпечить взносомъ капитала, но Его Величество изволилъ сказать мнѣ: «Этого не дѣлайте, а предоставьте городу быть всегда помощникомъ вашей благотворительности, не лишая его должнаго интереса и попеченія о музеѣ и вашей школѣ». Всѣ эти подробности привожу, собственно, для того, чтобы показать, какъ мудры и внимательны были указанія Государя къ столь малому дѣлу. Государь до такой степени интересовался искусствомъ, что входилъ въ самые незначи-

тельные, чисто технические вопросы. Такъ, когда я ознакомился въ Парижѣ съ производствомъ живописи на лавѣ, и представилъ образцы этого производства, сдѣланные мною, Его Величество очень заинтересовался новымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что оно такъ близко къ нашему древнему производству росписныхъ изразцовъ, которыми одѣвались старинные храмы. Въ это время, въ Копенгагенѣ, созидалась русская православная церковь, по иниціативѣ и щедротами нашего Государя, и въ ней одинъ образъ, именно св. Александра Невскаго, былъ написанъ профессоромъ Бронниковымъ на лавѣ. Его Величество, убѣдясь въ пригодности лавы для замѣны дорого стоящей мозаики, повелѣлъ устроить при Императорскомъ фарфоровомъ заводѣ мастерскую для лавнаго производства.

Коснувшись церковной живописи, слѣдуетъ замѣтить, что у Почившаго Императора было Свое, несомнѣнно правильное воззрѣніе, а именно, что церковная живопись не должна быть итальянскою, или вообще западною, но чисто старо-греческою, византійскою, древнею Рублевскою, Строгановскою или старомосковскою. Художникъ, ныѣ профессоръ, А. М. Васнецовъ понялъ мысль нашего Государя и, расписывая кіевскій храмъ св. Владиміра, осуществилъ и

указалъ путь, по которому слѣдуетъ идти современной церковной живописи,—исполнивъ между другими замѣчательными произведеніями и образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, копія съ котораго была пріобрѣтена Государемъ Императоромъ. Другой храмъ въ С.-Петербургѣ, строящійся на мѣстѣ кончины Царя-Освободителя, по повелѣнію Его Величества, тоже будетъ расписанъ въ томъ же стилѣ, тѣмъ же нашимъ талантливымъ художникомъ Васнецовымъ, котораго Государь впервые узналъ въ Парижѣ, когда онъ еще писалъ на темы русскаго эпоса.

Можно сказать, что всѣ крупныя событія жизни, каждый шагъ покойнаго Государя отражался въ искусствѣ. Во время послѣдней турецкой войны Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу сопутствовалъ художникъ В. Д. Полѣновъ, написавшій нѣкоторыя пейзажныя картины для Великаго Князя, а по окончаніи войны мѣста жительства въ Болгаріи Цесаревича были изображены извѣстнымъ нашимъ художникомъ Похитоновымъ. Коронаціонныя событія въ Москвѣ призвали къ дѣлу множество художниковъ, которымъ было поручено исполнить обширный альбомъ, изданный впослѣдствіи хромолитографнымъ способомъ. Французскій ху-

дожникъ Беккеръ въ двухъ картинахъ увѣковѣчилъ это событіе; обѣ картины имѣютъ множество портретовъ весьма сходныхъ, и будутъ очень дороги по своему интересному содержанію. Кромѣ того, приказано было профессору Боголюбову и профессору Клеверу исполнить картины иллюминаціи Кремля.

Крупныя морскія событія, какъ открытіе Морскаго канала въ С Петербургѣ, пріѣздъ въ Кронштадтъ и Ревель Германскаго Императора, и встрѣча французской эскадры въ Кронштадтѣ—поручено было писать художникамъ Морскаго Министерства А. П. Боголюбову и А. К. Беггрову, а посѣщеніе Тулона русской эскадрой адмирала Авелана, въ 1893 г., исполняютъ художники: Боголюбовъ, Гриценко, Ткаченко.

Во время многочисленныхъ поѣздокъ Государя по Россіи, Его Величеству постоянно сопутствовалъ придворный художникъ Зичи, исполняя бытовыя сцены.

Древнія наши церкви Ярославля, Углича и другихъ городовъ, съ ихъ внутреннимъ убранствомъ, постоянно писалъ акварелистъ художникъ М. Я. Вилье, уснащая мѣстными виньетками.

Для лѣтнихъ прогулокъ по Финляндіи приглашались художники Беггровъ, Бенуа и другіе.

Живопись военныхъ сценъ въ лагерное время и большихъ манёвровъ всегда интересовала Государя, къ чему былъ призванъ художникъ Военнаго Министерства Н. М. Пранишниковъ, а также приглашался извѣстный французскій художникъ Детайль, вынесшій о Государѣ и русскомъ войскѣ самыя отрадныя воспоминанія.

За прошедшее Царствованіе столицы наши и губернскіе города украшались памятниками и бюстами нашихъ героевъ войны, поэтовъ, литераторовъ и ученыхъ, исполненными отечественными художниками.

Московскій памятникъ Своему незабвенному Родителю, Императору Александру II, Почившій Государь лично опредѣлилъ быть исполненнымъ въ стилѣ древняго Кремля для соблюденія общей гармоніи, не взирая на троекратные конкурсы, которые были признаны не осуществлявшими мысли о величіи Царя-Освободителя.

Памятникъ смѣлому Пржевальскому, стоящій на дальнемъ рубежѣ нашей восточной границы, тоже говоритъ, что и этотъ дѣятель не забытъ Почившимъ Государемъ.

Переходя къ широкому покровительству Государя искусствамъ вообще, надо прежде всего сказать о 20.000 руб., ежегодно отпускаемыхъ Кабинетомъ Его Величества

академіи художествъ, съ цѣлью наполнять художественными произведеніями вновь открывающіеся музеи, какъ въ провинціи, такъ и въ С.-Петербургѣ.

Помимо щедрой помощи искусству указанною суммою, Ихъ Величества, посѣщая выставки, постоянно пріобрѣтали на нихъ картины, лично поощряя родное художество. Художники: Рѣпинъ, Полѣновъ, Савицкій, Расиецовъ и многіе другіе щедро были оплачиваемы за свои произведенія.

Одно время среди русскаго искусства образовался расколъ, и группа даровитыхъ художниковъ, желая освободиться отъ академической рутины, составила «товарищество передвижныхъ выставокъ». Первоначально начальство академіи поощряло его, но впослѣдствіи не находило возможнымъ дать ему пріютъ въ стѣнахъ своихъ, чтó заставило передвижниковъ ютиться гдѣ придется. Мудрый Государь нашъ не оставилъ и передвижниковъ безъ поощренія: посѣщалъ ихъ выставки со всею Августѣйшею Семьею и завершилъ Свое сочувственное отношеніе къ нимъ учрежденіемъ особой коммиссіи для выработки новаго академическаго устава, которымъ нынѣшняя академія обновлена на совершенно новыхъ началахъ Учрежденъ институтъ почетныхъ и постоянныхъ членовъ академіи, состоящій

изъ 60 лицъ, вѣдающихъ русское искусство подъ руководительствомъ Великаго Князя Владиміра Александровича; учреждена высшая художественная школа съ совершенно обновленнымъ составомъ профессоровъ, съ свободными мастерскими и свободнымъ конкурсомъ для полученія наградъ. Эта Монаршая милость драгоцѣнна для русскаго художества и непремѣнно двинетъ его впередъ появленіемъ новыхъ талантовъ.

Нельзя не упомянуть о широкомъ неоднократномъ поощреніи, которое оказывалъ Государь с.-петербургскому обществу поощренія художниковъ, состоящему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Принцессы Евгеніи Максимиліановны Ольденбургской. И здѣсь Его Величество преслѣдовалъ Свою высокую мысль, что прикладное художественно-промышленное искусство есть разсадникъ художественнаго вкуса и основаніе для художественнаго развитія вообще. Что касается парижскаго общества взаимнаго вспомоществованія художниковъ, облагодѣтельствованнаго Цесаревичемъ, то оно существуетъ до сихъ поръ, благодаря ежегодной субсидіи Его Величества. Вступивъ на Престолъ, Государь передалъ Свое высокое попечительство Великому Князю Владиміру Александровичу.

Независимо отъ щедраго покровительства цѣлымъ художественнымъ ассоціаціямъ, многія и отдѣльныя лица, заявившія себя полезными трудами на поприщѣ искусства, были также взысканы Высочайшимъ покровительствомъ. Многіе, какъ художники, такъ литераторы и музыканты, получали пенсіи, награды; семьи послѣ ихъ смерти не оставались безъ помощи. Эта щедрая помощь талантамъ съ высоты Престола получила дальнѣйшее развитіе уже въ настоящее Царствованіе, когда Высочайшій Указъ о дарованіи въ распоряженіе академіи наукъ ежегодно по 50.000 руб.— внесъ систему и регулярность въ это высоко-благотворное дѣло.

Нельзя не упомянуть съ благодарностью и о другомъ знаменательномъ недавнемъ событіи, которое является связующимъ звеномъ между Царствованіемъ настоящимъ и прошедшимъ. Этимъ незабвеннымъ въ лѣтописяхъ нашего искусства событіемъ является Высочайшее повелѣніе объ устроеніи въ С.-Петербургѣ русскаго музея Имени Александра III. Чрезъ него два Царствованія связываются неразрывно, какъ мысль и выполненіе. И дѣйствительно, мысль о такомъ музеѣ была завѣтною мечтою покойнаго Государя. Съ Своею чуткою ко всему изящному и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко

русскою душою, Онъ не могъ не видѣть, какой пробѣлъ существуетъ въ Его столицѣ, не имѣющей такого хранилища, гдѣ бы въ объединенномъ видѣ было представлено наше родное искусство.

Въ бытность Свою въ Москвѣ, Государь, посѣщая замѣчательную Третьяковскую галлерею, могъ видѣть, какъ цѣнна она въ своей цѣлостности. И когда братья П. и С. Третьяковы подарили свою галлерею городу, Государь горячо привѣтствовалъ великодушныхъ жертвователей. Тѣмъ сильнѣе сознавалъ Онъ недостатокъ подобнаго учрежденія въ нашей сѣверной столицѣ. Несомнѣнно, съ этою мыслью многія картины пріобрѣталъ Государь и имѣя въ виду именно будущій музей. По судьбамъ Божіимъ, не успѣлъ Онъ совершить задуманное, но Державный Преемникъ Его на первыхъ порахъ приступилъ къ исполненію завѣтовъ Усопшаго Родителя.

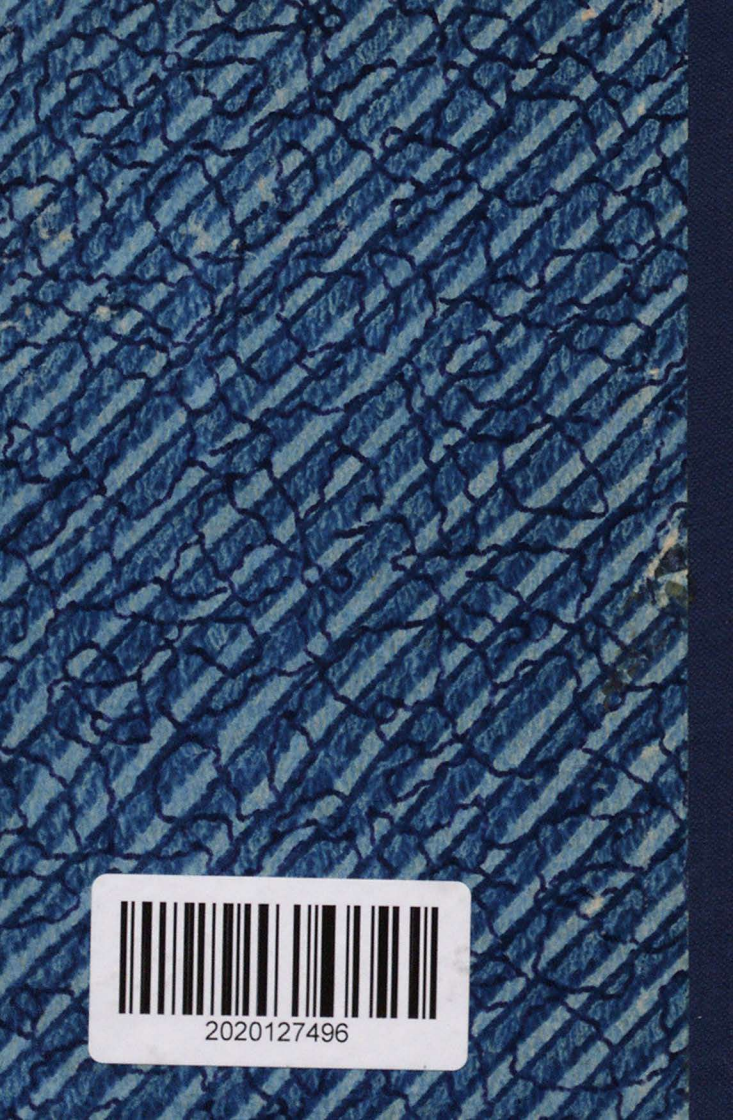
Конечно, въ моихъ краткихъ воспоминаніяхъ о Государѣ Императорѣ, какъ Высокомъ Покровителѣ и Просвѣщенномъ Любителѣ искусствъ, я не могъ собрать всѣхъ подробностей о Его пріобрѣтеніяхъ и поощреніяхъ художниковъ. Близкіе люди, какъ Министръ Высочайшаго Двора, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, лучше всѣхъ знаютъ, какъ былъ щедръ и внимателенъ Государь

ко всему, что̀ требовало поощренія и помощи.

Придетъ время, когда будущій историкъ, подробнѣе и глубже коснется этого предмета, а я скажу въ заключеніе, что, умирая, буду благословлять Бога, что Онъ даровалъ мнѣ счастіе узнать близко все величіе души незабвеннаго, въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

Изъ №№ 158—159 «Правит. Вѣстника» 1895 г.

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.


2020127496